

СОЦРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ КАНОН

Гуманитарное Агентство
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»

Санкт-Петербург
2000

РАПП И ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПОЛЯ В 1920-Х — НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ

Катерина Кларк

РАПП, Российская ассоциация пролетарских писателей — одна из многочисленных литературных организаций, которые в двадцатые годы активно способствовали развитию пролетарской литературы. Сам термин «пролетарская литература» был однако многозначным и являлся предметом жестоких споров. Обозначал ли он собственно литературу «рабочего класса», и кто в таком случае представлял этот класс в литературе? Должна ли была такая литература писать о рабочем классе, для рабочего класса, или она должна была быть написана самими рабочими? Обозначало ли определение «пролетарская» литературу, принадлежащую или написанную «авангардом рабочего класса» — партией? РАПП, с самого начала тесно связанный с партией и (особенно) с комсомолом, в основном разъяснял этот термин в его последнем значении — прежде всего как литературу партийную. Рапповцы возникли как добровольные «сторожевые псы», охранявшие (стоявшие «на посту») преданность партии и идеологическую чистоту литературы, тот принцип, который вскоре стал краеугольным камнем соцреализма — принцип «партийности».

Не удивительно, что в литературной борьбе 1920-х гг. РАПП превратился в жупел. Как принято изображать, на протяжении почти всего десятилетия эта организация терроризировала и запугивала другие писательские организации, и, в частности, писателей-попутчиков (термин «попутчик» обозначал непартийного писателя, который, в основном симпатизируя большевистской революции, не был всецело предан партии, а роль свою представлял отнюдь не в качестве борца и разъяснителя партийных доктрин). РАПП претендовал на гегемонию в литературе и продолжал усиливать свою власть, так что (особенно после 1928 г.) некоторые другие писательские организации и отдельные писатели были вынуждены вступить в него (один из самых известных случаев — вступление в РАПП Маяковского в 1930 г., незадолго до самоубийства), а в 1931 г. казалось, что партия скоро объявит РАПП единственно законной писательской организацией. Однако, в 1932 г. судьба его неожиданно переменилась, так как после партийного постановления от 23 апреля, которым была организована новая монополярная писательская организация — Союз советских писателей, РАПП был разогнан.

Это общепринятое представление о РАПП требует некоторого пересмотра. Например, РАПП не был единственной воинствующей писательской организацией, имеющей притязания на гегемонию. Далее, хотя РАПП, согласно принятым представлениям, считается просто деспотической, рвущейся к власти организацией, в действительности же, убежденность, истинный революционный фанатизм, страх перед всем «буржуазным» или «мелкобуржуазным» были не менее сильными мотивами в деятельности большинства его руководителей, чем обычное властолюбие¹.

Вероятно, наибольшим заблуждением является представление о том, что РАПП действовал в течение большей части двадцатых годов. На самом деле, РАПП был основан только в апреле-мае 1928 г. на Первом съезде пролетарских писателей, на котором был создан ВОАПП (Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей), как преемник ВАПП (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей). РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) был орга-

низован тогда в качестве новой формации в рамках ВОАПП, как параллель к Украинской ассоциации пролетарских писателей, а также к уже существующим организациям соответствующего характера в других союзных республиках. С тех пор РАПП, или, точнее, руководство РАПП, сконцентрированное в ее московском отделении, МАПП, фактически возвысилось над ВОАПП и стало играть ведущую роль в это особенно напряженное время — время споров о том, какой должна быть будущая советская литература. Сама же центральная группа ведущих деятелей и их организация возникла задолго до 1928 года. Перейдем поэтому к общему обзору истории формирования РАПП.

Предыстория

Группы, сыгравшие определенную роль в предыстории РАПП², возникли, в частности, в ответ на угрозу идеологического и экономически-бюрократического характера, которая исходила от все усиливающейся издательской деятельности А. К. Воронского, чей журнал «Красная новь», основанный в 1921 г., стал ведущим советским литературным журналом. Дополнительную угрозу представляла позиция Троцкого, который в то время был ведущим партийным идеологом по культурным вопросам и который вместе с Воронским являлся убежденным сторонником писателей-попутчиков. По их убеждению, именно писатели-попутчики, а не менее образованные пролетарии, должны были стать основой советской литературы³.

События, приведшие к формированию РАПП, начались 7 декабря 1922 г., когда группа писателей, поэтов и критиков, включавшая нескольких представителей «Кузницы», собралась в редакции комсомольского журнала «Молодая гвардия» и основала новую пролетарскую писательскую организацию «Октябрь»⁴. В марте 1923 г. эта организация подготовила платформу для конференции пролетарских писателей, которая должна была проходить в Москве, и опубликовала ее в «Правде». В этом документе группа претендовала на право стать литературным голосом политической верхушки, на статус назначенного партией блюстителя литературных дел⁵. На конференции была основана МАПП, Московская ассоциация пролетарских писателей, а платформа «Октября» была принята в качестве платформы этой организации. В том же году на первой конференции МАПП было избрано правление, в президиум которого вошли Ю. Либединский, А. Безыменский, Г. Лелевич и С. Родов, которым было суждено сыграть ведущую роль в истории РАПП. Двое последних, Г. Лелевич и С. Родов, были редакторами журнала «На посту», который впервые появился в июне 1923 г.⁶ «На посту» выступил со злобными нападениями на Воронского⁷ и попутчиков, особенно на членов группы «Серрапионовы братья», на Б. Пильняка, А. Ахматову и И. Эренбурга⁸. Подхватив большевистский принцип «или... или» (или с нами, или против нас), они применяли его к неприсоединившемуся писателю с фанатической непреклонностью. При этом они призывали товарищей по партии «быть бдительными» и следить за тем, чтобы «литературный участок идеологического фронта не нарушался»⁹. МАПП и его рупор — журнал «На посту» — так яростно нападали на попутчиков, что 36 литераторов-попутчиков обратились в Центральный Комитет партии с просьбой оградить их от подобных нападков¹⁰.

Но «напостовская» группа в то время не была настолько могущественной, как это принято изображать. Показательно, что, в то время как журнал «Красная новь» в эти годы выходил ежемесячно, редакторы «На посту» смогли обеспечить выход только пяти «ежемесячных» номеров журнала за период с 1923 по 1925 г.¹¹ Более того, отчасти в ответ на притязания руководства «Октября» на гегемонию в литературе и в ответ на требования изгнать из изданий писателей-попутчиков,

в 1924 и 1925 гг. партия организовала ряд совещаний для обсуждения своей литературной политики. В резолюциях, принятых на этих совещаниях, подчеркивалась необходимость способствовать укреплению пролетарской и крестьянской литературы, а также в этот переходный период получила одобрение литература попутническая¹².

Когда руководство МАПП на страницах журнала «На посту» высказало неприятие постановления партии от 18 июля, журнал был закрыт. Однако в самом руководстве МАПП разгорелась острая борьба, отчасти вызванная различием точек зрения на это постановление. Другим событием, вызвавшим споры среди руководства МАПП, послужило основание 14 июля новой Федерации советских писателей, которая объединила ВАПП с Всероссийским союзом крестьянских писателей, Литературным центром конструктивистов, а позже с «Кузницей» и группами ВССП (Всероссийский союз советских писателей), тяготевшими к попутничеству, а также с «Перевалом». Эти события обострили борьбу среди руководителей МАПП; более воинствующее крыло под руководством С. Родова, Г. Лелевича и И. Вардина продолжало настаивать на полном отрицании всяческой непролетарской литературы¹³, другие же поддерживали позицию партии. Группа Родова оказалась в большинстве, но не одержала победы. На наспех созывавшихся собраниях МАПП и ВАПП в феврале 1926 г. эту тройку лишили постов в этих организациях. Новая группа, получившая власть в рамках МАПП и ВАПП, состоявшая из Леопольда Авербаха, Алексея Селивановского и Александра Зонина, в качестве вознаграждения за поддержку партии, получила новый журнал «На литературном посту», редактируемый Авербахом. Первый номер этого журнала вышел в апреле того же года.

Период журнала «На литературном посту»

Хотя формально РАПП возник только в 1928 г., группа, которая приобрела наибольшее влияние в ВАПП в 1926 г., могла бы с некоторыми оговорками (учитывая сравнительную стабильность ее структуры и политики) называться РАПП (или «руководство РАПП»). Существует важное различие между взглядами начального руководства ВАПП и взглядами фракции, пришедшей к власти после раскола в начале 1926 г. (и которая в итоге стала известна как РАПП). МАПП до раскола всегда настаивала на том, что (помимо личности автора) единственно значимым критерием для оценки литературной приемлемости произведения должно быть его идеологическое содержание¹⁴. Новая же точка зрения, обнародованная в журнале «На литературном посту» (следуя духу Постановления партии о литературе 1925 г.), сводилась к тому, что писатель должен укрощать свой идеологический и дидактический пыл в интересах литературного качества¹⁵. Этот переход был заявлен в самом названии журнала, сходном с названием бывшего МАППовского рупора, но с добавлением слова «литературный».

Однако парадоксальным образом, вероятно, из-за гибкости литературной политики в первой половине 1920-х годов, первые руководители МАПП шли на некоторые уступки оппозиционным литературным группам и заигрывали с ними. В практике же руководителей МАПП после раскола подобные случаи уже не имели места¹⁶. К тому же, руководители МАПП/«На посту» были довольно непостоянны в союзничестве с различными партийными фракциями. Так, одно время они отождествлялись с Троцким, но вскоре присоединились к одному из своих хулителей, Луначарскому, чтобы вести кампанию против Троцкого¹⁷. В отличие от них, новое руководство усилило свою власть, последовательно нападая на Троцкого и его сторонников. В этом была своя логика, состоящая в том, что Воронский, их наиболее мощный соперник, который воспринимался как

сторонник Троцкого, вслед за падением Троцкого потерял влияние. Тем же путем шел в своих произведениях, например, Юрий Либединский, ведущий писатель РАПП. Его второе крупное произведение, «Завтра» (1923), было написано в короткий период его увлечения мечтой Троцкого о мировой революции¹⁸, однако следующее крупное произведение этого автора, «Поворот» (1927), было написано по случаю падения Троцкого (хотя последний, конечно, в тексте не фигурирует)¹⁹.

Эти различия не столь, однако, значительны, чтобы рассматривать руководителей ВАПП/РАПП до и после раскола 1926 г. как представителей абсолютно различных групп. Вероятно, гораздо точнее характеризовать их как часть единого движения, состоящего из двух различных периодов (до и после раскола 1926 г.): периода, связанного с журналом «На посту», и периода, связанного с журналом «На литературном посту». Так, в течение этих двух периодов наблюдалось постоянство в составе руководства, куда входили Авербах (редактор журнала «На литературном посту») и Либединский, бывшие ведущими деятелями в течение обоих периодов. Направление деятельности руководства в продолжение обоих периодов определялось двумя главными пунктами их платформы: настойчивое требование того, чтобы в Советском Союзе была разрешена только «пролетарская» (партийно ориентированная) литература, а также требование постоянного и жесткого противостояния попутчикам. Во второй период, в период журнала «На литературном посту», можно выделить два субпериода, так как в политике РАПП произошли значительные перемены в эпоху первой пятилетки и культурной революции (приблизительно 1928—1931 гг.).

Партийную ориентированность РАППа можно, в частности, объяснить биографией руководителей этой организации. Большинство из них (включая и тех, кто был в руководстве только до раскола в 1926 г.) — выходцы из провинции, они выросли и воспитывались в среде, которая с самого детства приучала их к служению общественному делу, их отцы были преданными своему делу провинциальными врачами и школьными учителями, сторонниками радикальных интеллигентских движений. *Ни один из них не являлся выходцем из рабочего класса.* Во время революции все они были еще молоды (большинство из них родились в 1900—1902 годах, некоторые — в конце 1890-х), все они вступили в партию и начали публиковаться после 1917 г.

Следует заметить, что в жизни большинства членов РАПП революция означала конец их школьного образования, так как большинство из них оставило школу для того, чтобы участвовать в революции. Во всяком случае большинство членов РАПП не получило университетского образования. К сожалению, тот факт, что их образование было прервано, сказался и на степени «культурной компетентности» всей группы. Троцкий со свойственным ему высокомерием отвергал произведения Либединского (которому вскоре суждено было стать ведущим теоретиком РАПП) как «произведения школьника, которому нужно больше работать для того, чтобы его воспринимали как действительно серьезного писателя»²⁰, а Вальтер Беньямин во время своего визита в Москву в конце 1926 г. был поражен тем, что как-то в споре Либединский утверждал, что Шекспир жил до изобретения печатного станка²¹.

Отсутствие высшего образования (особенно в гуманитарной или художественной области) в биографии членов РАППа, их провинциальное происхождение, а также, вероятно, редкие поездки за границу, сказались на явно *ограниченной*, русско-центристской литературной платформе обоих периодов (несмотря на то, что Флобер и некоторые другие европейские писатели значились в списке их литературных предпочтений). Однако, в этом отношении они вполне соответствовали общей тенденции эволюции большевистской иерархии, профиль которой менялся от более образованного старого большевика к представителю поколения, которое пришло уже после революции или при Сталине.

Знаменательно, что подобная же картина наблюдается и в биографии многих представителей молодого поколения попутчиков, на которых руководство РАПП так ожесточенно нападало. Однако попутчики в большинстве своем были на несколько лет старше, поэтому их обучение не прерывалось и многим из них *удалось* получить высшее образование. Интересно, что Фурманов, который по возрасту был несколько старше и в университете *учился*, был, вероятно, самым умеренным из этих «неумолимых фанатиков»; он гораздо терпимее относился к попутчикам и даже братался с ними.

Еще одним общим знаменателем в биографии руководителей РАПП являлось то, что все они не только были членами партии (и в основном занимали какую-либо должность), но и почти все начали свою литературную деятельность только *после* того, как проработали значительное время на партийной или комсомольской работе. Все они провели какое-то время на административной работе в партийной или комсомольской организации (чаще всего где-нибудь в провинции), или служили комиссарами в Красной Армии, а затем некоторое время работали в партийной или комсомольской газете, как правило, в качестве редакторов. Некоторые члены этой организации когда-то в прошлом, еще до вступления в «Октябрь» или РАПП, работали вместе на партийных должностях в центре или в провинции²².

Интересно, что эта же биографическая схема приложима и к их заклятому врагу, Воронскому, за исключением того, что он принадлежал к старшему поколению (он вступил в партию в 1904 г.). Таким образом, в своей борьбе с Воронским РАПП сражался с товарищем по большевизму с относительно сходной биографией. Их схватка была не только битвой за власть в издательском мире, но носила также характер фракционной борьбы внутри самой партии. Это чувствуется в аргументах, представляемых каждой из сторон в поддержку своей позиции. Их аргументы сосредоточивались на различных пунктах несколько двусмысленной позиции Ленина по отношению к интеллигенции: Воронский обращается (часто лишь намеками) к ленинским заявлениям о том, что в этот пореволюционный период партия признает жизненную необходимость в буржуазных спецах (образованных профессионалах)²³. В то же время руководители РАПП, полемизируя с такой позицией, обращались к высказываниям Ленина о ненадежности интеллигенции и добавляли, что ленинский аргумент в пользу спецов не относится к литературной области, так как тщательный надзор за работой писателя невозможен, следовательно, его вера в партию практически является предварительным условием его пригодности²⁴.

Большинство руководителей РАПП отнюдь не были рядовыми членами партии, но Авербах (один из пяти главных руководителей МАПП до раскола 1925—1926 г.г. и единоличный руководитель РАПП с 1926 г.) превзошел их всех в этом отношении. Кроме высоких комсомольских постов (включая занимаемый им в свое время пост главы Московского комитета), он был связан семейными узами с тремя *весьма* видными большевистскими должностными лицами (с Генрихом Ягодой, главой ГПУ, Емельяном Ярославским и Яковом Свердловым)²⁵. Авербах представлял собой исключительный случай как в отношении высоких партийных должностей, так и в отношении его непрочных связей с литературным творчеством. Тем не менее, его биография была наиболее ярким подтверждением того, что для руководителей РАПП партия обладала более высоким приоритетом, чем литература, что доказывают и их личные карьеры. Вероятно, благодаря этому, а также их предыдущей работе в партийной и комсомольской прессе, они прежде всего были литературными политиками, администраторами и журналистами. Литературное творчество являлось для них деятельностью второстепенного характера с точки зрения отведенного на это времени (некоторые ничего не писали, другие — только в свободное время²⁶). Даже после того, как руководители

РАПП оставляли партийную работу, чтобы посвятить себя «литературе», большую часть своего времени они отдавали публицистике и организационной работе, и (особенно в конце десятилетия) созданию литературных групп, где обучали рабочих писательскому делу²⁷.

Разумеется, группа понимала необходимость успеха в литературном творчестве, хотя бы для того, чтобы придать своим *полемическим* целям *литературную* респектабельность. Поэтому, написав «хорошее» произведение, писатель приобретал известность в группе. Таким образом возвысился, например, Либединский. В 1923 году, благодаря успеху его романа «Неделя» (1922), он был провозглашен «ведущим пролетарским писателем» и выбран в секретариат и президиум МАПП²⁸. Позднее, после публикации романа «Чапаев» (1923), еще более высокого положения в МАПП достиг Фурманов, он сыграл ведущую роль в полемике 1925—1926 гг. и значительно повлиял на ее исход. А в 1927 г. то же повторилось с Фадеевым, который стал членом руководства РАПП после публикации романа «Разгром» (1927).

Характерная биография и интересы руководителей РАПП отразились также и на характере их художественных произведений, в которых отмечается тенденция к программности или документальности. Например, Фурманов гордился документальным характером своего «Чапаева» и заявлял, что это произведение, скорее, должно восприниматься как вклад в историю партии, чем как роман²⁹. После 1926 г. писатели в своих художественных произведениях старались быть менее схематичными, но дело здесь было лишь в количественных отличиях.

Писатели РАПП ограничивали своих героев довольно узким выбором жизненных путей. В основном это члены партии, профессионалы, образованные специалисты, иногда — представители творческой интеллигенции, а также в *редких* случаях — рабочие (в резком противоречии с большей частью пролетарской литературы 1920-х годов)³⁰. Уже в период «На посту» писатели РАПП настаивали на том, что только партия и революция являются достойной темой для литературы³¹. И действительно, большая часть художественных произведений членов РАПП демонстрировала, насколько ненадежен образованный профессионал перед лицом революционного пожара. Отличительными положительными (партийными) добродетелями являлись дисциплина, готовность служить, надежность, непоколебимость и корпоративный дух. В то же время, пока партийная политика была связана с поощрением спецов, отрицательное изображение их писателями-рапповцами было менее распространенным в сравнении с тем, как спецы изображались другими пролетарскими писательскими группами³².

Типично РАППовским произведением первой половины 1920-х годов можно считать повесть Ю. Либединского «Неделя» (1922), которая подымалась на щит в эти годы как первое «успешное» и как первое «реалистическое» произведение пролетарской литературы³³. В этом произведении Либединский (как и в более поздней повести «Комиссары» (1925)) в качестве предмета изображения намеренно берет небольшую партийную группу в отдаленном сибирском городе, представляя ее как своего рода уменьшенную модель партии в целом³⁴. Основной сюжет сосредоточен на событиях, происходящих в течение недели в жизни партийного руководства, которое борется с нехваткой зерна и топлива, с непокорным крестьянством и с бастующими рабочими. Кульминационным моментом этой недели является налет контрреволюционеров-«бандитов», во время этого налета большинство членов партийной организации погибает. Эта резня обеспечивает героям романа стремительное вознесение в сан мучеников.

Героика «Недели» была довольно надуманной. Изначально Либединский написал этот рассказ в ответ на рассказ Б. Пильняка «При дверях» (1919), в котором партийная администрация некоего сибирского города изображалась, по мнению Либединского, в оскорбительном виде³⁵. Не случайно, что виднейший со-

ветский прозаик Пильняк начиная с 1922 г.³⁶ был источником постоянного раздражения для Либединского и его товарищей-критиков, публиковавшихся в «На посту»³⁷. В рассказе Пильняка говорилось о том, как привилегированные представители прослойки «профессионалов», несмотря на стесненные обстоятельства, все еще цепляются за знакомый им с царских времен старый образ жизни. Либединский в противовес этому показывал, с какой легкостью спецы приходят в лоно партии.

В то время Либединский полагал, что участвовать в советской литературе следует разрешать *только* тому, кто стоит на «пролетарской точке зрения», но при этом допускал, что те, у кого эта необходимая «точка зрения» отсутствует, могут приобрести ее в классовой борьбе³⁸. Это убеждение являлось движущей силой «Недели»; Либединский, как правило, игнорирует классовые различия в важнейшей для него проблеме — в вопросе о надежности. Персонажей повести можно разбить на три категории в соответствии с уровнем их овладения «пролетарской точкой зрения»: на тех, кто стоит на этой точке зрения (идеальные члены партии); тех, кто, несомненно, приобретет эту точку зрения (определенные спецы) и тех, кто никогда не сможет полностью встать на эту точку зрения (члены партии с гимназическим образованием и интеллигентскими наклонностями). Налет контрреволюционеров является своего рода лакмусовой бумажкой (проверкой их готовности спустить курок). Партия изображается в виде семьи, члены которой находят теплоту и утешение друг у друга³⁹, но те большевики, которые обладают интеллектуальным складом ума, изображаются в виде людей, которые хотят приблизиться к партии рациональным образом, но им суждено оставаться в ней конфликтующими посторонними.

РАПП после раскола в феврале 1926 г.

Во второй половине 1920-х годов позиции руководителей РАПП значительно укрепились как в литературном мире, так и в партийном (эти два мира, естественно, тесно связаны). Отметим прежде всего, что новое руководство пришло к власти как то меньшинство фракции «На посту», входившей в ВАПП, которое поддержало июньскую резолюцию партии о литературе 1925 г. и которое смогло добиться исключения из исполнительного комитета ВАПП лидеров, находившихся в оппозиции⁴⁰. Таким образом, партия смогла добиться принятия резолюции самым большим и мощным органом в пролетарской литературе только спустя восемь месяцев после ее обнародования. То, что новое руководство МАПП смогло так быстро приобрести свой журнал («На литературном посту»)⁴¹, а также получить некоторую поддержку партии, можно объяснить этим важным жестом поддержки со стороны тех, кто в итоге превратился во фракцию журнала «На литературном посту».

В течение этого периода руководители РАПП уделяли больше внимания чисто литературным вопросам (как, фактически, рекомендовалось резолюцией) и стали чаще высказываться о том, *какую* именно литературу они считают пролетарской. Так же, как и их собратья в мире искусства, руководство АХРР (Ассоциации художников революционной России), они обычно приравнивали революционную эстетику к традиционному русскому реализму прошлого века, против которого выступал до- и постреволюционный авангард.

После раскола 1926 года руководство РАПП пыталось выработать для своего движения более развернутую литературную теорию; эта задача была поручена Либединскому, который был в то время (после смерти Фурманова в 1926 г.) их ведущим писателем. К концу 1926 г. этот проект был в основном завершен. Однако, по-видимому, у руководителей РАПП были некоторые сомнения по поводу

проекта, и они откладывали его публикацию до 1928 г., когда Либединский смог, наконец, изложить значительную часть своей теории в докладе на Всесоюзной конференции пролетарских писателей.

У Либединского был, по всей вероятности, подлинный интерес к литературному качеству. Однако, его «литературная теория» была вторичной и недостаточно продуманной. По иронии судьбы, она была близка к идеям Воронского⁴², но основным ее источником была незаконченная статья В. Белинского 1821 г. под названием «Идеи (!) искусства». Либединский, делая попытку охарактеризовать процесс художественного творчества, заявляет, что искусство строится на «непосредственных впечатлениях» художника⁴³. По его мнению, эти «впечатления» художника должны отличаться от впечатлений обычного человека, так как художник «по собственной воле поднимется выше того понимания реальности, которое дано обычному человеку, а человек с обычным восприятием последует за ним»⁴⁴.

Таким образом, представления Либединского о творческом процессе предполагали, что художник уже по своей природе является особым человеком. Такой элитаризм вряд ли был приемлем в то время для писателя, стремящегося стать теоретиком пролетарской литературы. Теории Либединского подвергались многочисленным нападкам, критики обращали особое внимание на его идею о непосредственных впечатлениях. В ответ на то, что его представления об искусстве слишком субъективны, он заявлял, что «искусство отрицает случайности и показывает основные процессы, которые влияют на мировое развитие»⁴⁵. Итак, чтобы создать произведение искусства, художник должен организовать свои впечатления «с определенной точки зрения», и, таким образом, хорошее искусство будет отражать идеологическую позицию художника⁴⁶.

В течение 1927 г. Либединский пишет также ряд статей о правильном подходе к созданию советской литературы, в которых он открыто отмежевывается от своих несколько упрощенных взглядов периода «На посту». В статье 1923 г. он высказывал мнение о том, что советская литература должна быть программной (он даже написал список подходящих тем и рекомендовал писателям выбирать одну из них всякий раз, когда они приступают к новому произведению⁴⁷). Теперь же он отвергал идею о том, что писатели должны писать по требованию на определенную тему, или даже идею о существовании таких тем, которые можно считать более, чем другие, подходящими советской литературе⁴⁸. Табу для него теперь были — схематизация сюжета или персонажа, использование стереотипов и разделение героев на «положительных» и «отрицательных».

В этих статьях Либединский использовал новые лозунги: «срывание всех и всяческих масок» (фраза, взятая из статьи Ленина о Толстом) и «живой человек» — фраза, популярная среди критиков, писавших в то время для журнала «На литературном посту». Важность этих лозунгов заключалась в призыве к психологическому реализму, в усилении внимания к внутреннему конфликту персонажей, в отказе от «лакировки реальности», вплоть до изображения отрицательных сторон жизни.

Эта перемена в позиции Либединского отразилась также и в характере художественных произведений, созданных в РАППе. Теперь, когда писатели стали концентрироваться на мотивах личных взаимоотношений своих персонажей, на мотивах их убеждений и поведения, даже партийные герои стали приобретать более человеческие лица. Эта тенденция особенно заметна в «Разгроме» (1927) А. Фадеева, близкого сотрудника Либединского по РАПП. В этом произведении, действие которого происходит во время гражданской войны, Фадеев изображает даже внутренние сомнения и муки героя, командира-большевика Левинсона.

РАПП в период культурной революции и первой пятилетки

В общей истории РАПП (за начало которой мог бы быть принят 1922 или 1923 гг.) начальный период, связанный с журналом «На посту», можно рассматривать как сравнительно либеральное время между двумя воинственно-радикальными фазами.

На XV съезде партии в конце 1927 г., на котором термин «культурная революция» стал новым лозунгом⁴⁹, большое внимание уделялось вопросу о том, как «усилить борьбу на идеологическом фронте», директива, которую с большой поспешностью подхватило руководство РАПП⁵⁰. Эта перемена в позиции партии по отношению к неприсоединившимся или к непролетарской интеллигенции, фактически, дала РАПП новое положение в литературном мире. С этих пор им не нужно было играть роль фанатиков, чтобы убедить партию в своей преданности ей. Напротив, стало совершенно очевидным, что у них появилась сильная поддержка со стороны партии. На эту поддержку указывало, в частности, присутствие высоких партийных чинов на Всесоюзной конференции пролетарских писателей в апреле 1928 г. (на которой был основан РАПП)⁵¹. Основной темой докладов на конференции была «культурная революция» и пути ее развертывания⁵².

На этой конференции руководство РАПП выдвинуло новую линию по отношению к попутчикам. По их мнению, попутчики уже не представляли собой однородной группы, какой они были раньше, но разделились на две категории неприсоединившихся писателей. Одни шли по пути интеграции в советское общество (здесь были отмечены попутчики-одиночки, такие, как М. Слонимский, которого довольно снисходительно похвалили, заметив при этом, что ему еще далеко до полного одобрения партией)⁵³. Однако большинство попутчиков, по мнению руководства РАПП, стали отходить от партии. Поэтому теперь они представляли собой даже более серьезную угрозу, и против них следовало бороться, относясь к ним с усиленной бдительностью⁵⁴. В 1931 году, после ряда чисток и исключения непролетарских писателей из партии, руководство РАПП в своей борьбе против попутчиков стало даже более ожесточенным. На конференции в этом году оно ввело новый лозунг «Союзник или враг», который должен был служить оружием против них⁵⁵.

Хотя РАПП был более или менее созвучным политическому моменту (по отношению к попутчикам, например), во время культурной революции обнаружилась его слабость — в эпоху «пролетаризации» он не был пролетарской организацией, рапповская литература не рассказывала о рабочих или об их производственных задачах, рапповское понимание понятия «пролетариат» зиждилось, скорее, на преданности партии, чем на принадлежности к рабочему классу. Поэтому в период первой пятилетки руководители РАПП начали активно участвовать в (контролируемом сверху) «массовом литературном движении», объявив призыв рабочих писателей в литературу. В 1930-м году РАПП объединился с профсоюзами в организации массовой кампании, направленной на вовлечение «ударников» в литературу. Этот шаг также увеличил рабочий элемент в организации. Однако, как утверждалось позже, РАПП зашел слишком далеко в этом процессе, выдвинув лозунг «Ударник стал центральной фигурой литературного движения». В 1931 году в связи с этим новым направлением деятельности был основан новый журнал «РАПП», впоследствии переименованный в «Пролетарскую литературу». Этот журнал предназначался для обсуждения теоретических вопросов пролетарской литературы.

В атмосфере культурной революции РАПП стал особенно мощной организацией, и независимые писательские организации были постепенно вынуждены вливаться в него. И действительно, с точки зрения сегодняшнего дня, весь пери-

од культурной революции представляется как длительное состязание, проигравшие участники которого исключались из процесса, победители же в качестве приза получали власть и влияние в Союзе писателей, после того, как он был основан в 1932 году. Хотя группы выбывали из процесса и раньше, состязание возобновилось с новой силой после 1928 года, когда так называемые «правые» и «левые» группы настолько слабо «выступали» в предварительных «раундах», что у них почти не оставалось надежд на место в финале. Чтобы избежать исключения из игры, участники состязания вынуждены были постоянно пересматривать свои позиции. Руководство РАПП охотно участвовало в этом состязании и к концу 1920-х годов усилило нападку на всех своих соперников, ускоряя их падение или вызывая «реорганизацию» многих групп. Глава РАПП, Авербах, был в это время куда более агрессивен, чем в свое время руководящая пятерка журнала «На посту».

В действительности же, хотя РАПП приобретал все большую власть, он испытывал все большие трудности. Приблизительно с 1929 года на страницах ее журнала «На литературном посту» большое место стали занимать длинные отрывки от литературных деятелей и теоретиков, которых рапповцы прежде цитировали как признанных авторитетов, но которые теперь выбывали из игры⁵⁶. Помимо того, многие элементы литературной платформы РАПП, такие, например, как теория «непосредственных впечатлений» и «живого человека», подвергались непрекращающимся нападкам со стороны соперников из марксистского и пролетарского литературного лагеря⁵⁷. Главной мишенью для критических нападков был Либединский. Сначала, когда нападки усилились в 1929 году, он был тверд и отказывался отчитываться перед кем бы то ни было, кроме партийной ячейки руководства РАПП. На расширенном пленуме РАПП в сентябре того же года критика его теорий усилилась, но Либединский ответил обвинением своих критиков в «крайней партийной ортодоксальности»⁵⁸. Выход его романа «Рождение героя» в 1930 году, в котором рассказывалось о муках большевика Шорохова и о проблемах его личной жизни, навлек на Либединского еще более резкие нападки. Он раскаялся⁵⁹, и его следующим произведением стал сборник производственных очерков о первой пятилетке, в котором громкие аплодисменты заглушали все проблемы⁶⁰.

РАПП был также вынужден считаться и с разногласиями в своих рядах; речь идет об образовании в начале 1930 года фракции, известной под названием «Литфронт». В Литфронт вошли несколько представителей ультра-левых (ниспровергнутые в 1926 году руководители МАПП Г. Горбачев, А. Безыменский и С. Родов, а также ученые из Коммунистической академии). Члены фракции оспаривали некоторые центральные положения платформы РАПП, и, будучи в основном более образованными, чем их оппоненты из РАПП, выдвигали серьезные аргументы. Борьба достигла кульминации в 1930 году, когда руководство РАПП вынуждено было перебазироваться в Ленинград (где Литфронт занимал особенно сильные позиции), чтобы принять участие в жарких спорах на конференции ЛАПП. Однако, к концу года Литфронт был распущен, а Родов и Зонин были исключены из РАПП⁶¹.

Тем не менее, власть руководства РАПП оказалась эфемерной. Их позиция была устойчивой на протяжении всего состязания, когда, казалось, у них уже не было серьезных соперников в последних раундах. Однако, в финальном круге они были выбиты из игры. РАПП, ВОАПП и другие группы были распущены в 1932 году постановлением ЦК об организации Союза писателей. Более того, члены правления РАПП (исключая Фадеева) не были выбраны во временные комитеты Союза. Во время большого террора большинство членов бывшего руководства РАПП пострадало во время партийных чисток, они были очернены, обвинены в участии в троцкистском подполье (Авербах, Киршон, Селивановский, Мазнин). Политические обвинения были выдвинуты также и против Афиногенова,

Макарьева и Либединского. После 1934 года последний публиковался очень мало, был исключен из партии на короткий срок в 1938 году и, в целом, оставался в опале вплоть до 1955 года⁶². Однако, ни Фадеев, ни Ермилов не подвергались нападениям. Фадеев стал первым секретарем Союза писателей в 1939 году, оставаясь на этом посту (с короткими перерывами) до конца сталинской эпохи. Показателем того, что пошатнулась не только власть руководства РАПП, но и ослабла позиция самой организации, является тот факт, что многие попутчики заняли важные посты в Союзе писателей и (или) написали произведения, которые были высоко оценены как образцы соцреализма (Валентин Катаев, например). В этом отношении особенно следовало бы отметить «Серрапионовых братьев», которые раньше были заклятыми врагами РАПП (Федин, Тихонов, Вс. Иванов, Никитин, Каверин).

К вопросу о причинах падения РАПП обращались неоднократно. В советских историко-литературных работах обычно приводились списки случаев, наглядно свидетельствующих о том, что группа стала слишком воинственной и деспотичной по отношению к другим литературным группам и слишком свободной по отношению к партии, неподконтрольной⁶³. Лозунг «Союзник или враг» часто приводится как пример неприемлемого экстремизма РАПП. То обстоятельство, что большинство руководителей РАПП не захотело признать постановления партии от апреля 1932 года, вероятно, окончательно определило их судьбу. Фадеев являлся своего рода исключением и сразу порвал с непокорными рапповцами. Важным моментом было и то, что РАПП (особенно Авербах) поначалу (даже вплоть до 1928 года) не хотел признавать Горького пролетарским писателем. И в этом случае именно Фадеев возглавил кампанию против такой позиции, преобладавшей в руководстве РАПП. Может быть, это стало одной из причин того, что Фадеев оказался в столь выигрышном положении после 1932 года, когда Горький стал главой Союза писателей, тогда как Авербах и многие другие оказались в гораздо худшей ситуации (уже в 1928 году Авербах был фактически сослан в Азербайджан из-за его позиции по отношению к Горькому). Стоит отметить, что Горький был в близких отношениях с «Серрапионовыми братьями» в 1920-е годы.

Однако, исход этого процесса можно рассматривать не только на уровне личностей и фракций, но также и на уровне широких общественных тенденций. Для культурной революции РАПП представлял собой один из необходимых механизмов управления в сфере культуры, но после решительной перемены, происшедшей приблизительно в 1931 году, он просуществовал недолго. Советская бюрократия выступила теперь против некоторых утопических крайностей периода первой пятилетки, как, например, против крайнего антиинтеллектуализма, который во всем предпочитал пролетария, несмотря на его ограниченные знания в делах производства и культуры. Плоды литературного творчества некомпетентных пролетарских «писателей» начали скапливаться на складах, поскольку они были нечитабельны. В большинстве областей деятельности, в том числе и в литературной, в начале 1930-х годов стал особенно цениться профессионализм. Термин «пролетарский» неожиданно уступил место термину «социалистический», и РАПП оказался загнанным в угол.

РАПП и соцреализм

Хотя в политическом отношении РАПП потерпел поражение и был организационно распущен, некоторые характерные для него моменты предвосхитили отдельные черты соцреализма. Отношение теории и практики РАПП к теории и практике соцреализма можно определить исходя из того, что РАПП установил небывалый прецедент для изменения роли и социального профиля писателя. Это

решительное изменение произошло с формированием Союза писателей и объявлением соцреализма единственным литературным методом для всех писателей. Оно чувствовалось на протяжении всей советской эпохи. Род литературы, который принято считать соцреализмом, имеет некоторое сходство и некоторую преемственность по отношению к литературной платформе РАПП. Большинство сходных черт между РАППом и соцреализмом, отнюдь не были чертами, принадлежавшими исключительно РАППу, но были свойственны также и другим группировкам 1920-х гг. Более того, между РАППом и соцреализмом существовал ряд важных различий.

Наиболее очевидной линией преемственности между РАПП и соцреализмом может служить тот факт, что рапповская платформа более, чем все остальные платформы 1920-х годов, основывалась на доктрине неприменной партийности, ставшей краеугольным камнем соцреалистической доктрины. Однако практика соцреализма, в основном, интерпретировала принцип партийности гораздо либеральней, чем РАПП. Когда в 1930—1940-е годы критики или должностные лица оценивали литературное произведение, в редких случаях критерием для вынесения приговора служил факт членства писателя в партии. Более того, хотя традиция соцреализма выработала условия для легитимизации советской действительности и для одобрения официальной политики, писатели далеко не всегда так преданно «служили партии», как того хотел от них РАПП. Основное возражение РАППа против писателя-попутчика заключалось в том, что он *независим* от партии⁶⁴.

Акцент на словах «руководство» и «служение» показателен в той степени, в которой РАПП предвосхитил изменение роли писателя, происшедшее в эпоху соцреализма. РАПП не был единственной литературной группой 1920-х гг., защищавшей чисто «служебную» роль писателя (взять, например, теорию «социального заказа», которая была популярна в то время в авангардной среде). Однако РАПП и в этом отношении занял крайнюю позицию, утверждая, что служение писателя общественному благу должно быть полностью связано с партией. Новый советский писатель, каким он был представлен в платформе РАПП, уже более не являлся ведущим представителем интеллигенции и служителем высокой культуры, он был скорее опытным профессионалом, клиентом государства. После 1932 года их прежний лозунг «Союзник или враг» оказался совершенно неадекватным, когда попутчик мог получить высокий пост в Союзе писателей. И действительно, попутчик теперь сам превратился в «союзника» — в члена организации (как это было прежде с членами РАПП). Общим моментом в биографии нового поколения писателей, пришедших в 1930—1940-е и даже в 1950-е гг., было то, что они начинали свою писательскую карьеру в журналистике (часто в партийной журналистике). Хотя в их среде людей с высшим образованием было гораздо больше, чем среди руководства РАПП, довольно часто они получали образование в весьма утилитарной области, например, в инженерном деле или агрономии, а не в сфере гуманитарных знаний.

Тот вид литературы, который предпочитался теми, кто формулировал официальную теорию соцреализма (Горький и А. Жданов) был, скорее, литературой масс, чем литературой интеллектуалов, и ориентировался на популярные представления о культуре. Эта литература была несколько пуританской как в эстетическом, так и в тематическом отношении (так же, как в свое время литература РАПП). Как и РАПП (но в этом отношении РАПП был далеко не одиноком в культурном спектре 1920-х годов), официальные предписания для соцреализма отвергали всякого рода модернистский экспериментализм в пользу такой литературы, которая напоминала бы русскую литературу XIX века. Например, заявленное: «Дорога в наше завтра лежит не через Бабеля, а через Льва Толстого»⁶⁵,

сделанное в передовице журнала «На литературном посту» 1927 года, предвосхищает основную политико-эстетическую линию, которая проводилась в самом соцреализме.

Однако, на деле, соцреализм демонстрировал весьма своеобразное использование «Толстого», отодвигая на второй план проблему его сложности и анализ души героев. Ждановская официальная краткая формулировка соцреализма, представленная им в докладе на Первом съезде писателей в 1934 году, утверждала, что соцреализм должен быть «сочетанием самой суровой, самой трезвой практической работы с величайшей героикой и грандиозными перспективами»⁶⁶. Эта формулировка, казалось бы, представляла собой компромисс между двумя главными противоборствующими теориями в пролетарском лагере: «революционным романтизмом» «Кузницы» и «пролетарским реализмом» РАПП. Однако, в действительности соцреализм в своих наиболее характерных чертах в значительной степени склонялся к «революционному романтизму».

Горький утверждал (особенно в речи на Первом писательском съезде), что советская литература должна изображать героев-исполинов, каких можно найти, например, «в фольклоре трудящихся народов» и не должна бояться преувеличений при изображении действительности с положительной стороны. РАПП же особенно оспаривал представление о том, что «романтизм» вообще может играть *какую бы то ни было* роль в советской литературе (классическую формулировку этого можно найти в речи Фадеева на сентябрьском пленуме РАПП 1929 года: «Долой Шиллера!»⁶⁷). Как будто в подтверждение предпочтения по отношению к «революционному романтизму» (в рамках соцреализма) в 1930—1940-е годы практически во всех официальных выступлениях постоянно ссылались на «Цемент» Ф. Гладкова из «Кузницы» как на образцовое произведение соцреализма. Этот роман стал центральным произведением для формирования литературной традиции, тогда как «Разгром» Фадеева, хотя и включался в список канонических образцов, оказал значительно меньше влияния на литературную традицию. На самом деле, такой род «психологического реализма», который содержался в романе (показ внутреннего конфликта персонажей и т. д.) открыто отвергался как непригодный для соцреализма.

Причина предпочтения «Цементу» «Разгрому» кроется не только в изображенном в этом романе образе героя-исполина (Глеба Чумалова), представляющего собой образец «революционного романтизма», но в том, что «Цемент» — это типичный производственный роман. Производственный же роман являлся прообразом соцреалистического романа как такового. Парадоксально то, что, хотя пролетариат и являлся, собственно, производителем, РАПП, литературная группа, называвшая себя пролетарской, отвергала производственный жанр. В этом была одна из причин, почему Эдвард Браун дал своему повествованию об эпохе господства РАППа название «Пролетарский эпизод в русской литературе».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 С. Шешуков назвал свою книгу об истории этой организации «Неистовые ревнители. Из истории литературной борьбы 20-х годов». (М., 1970). Вальтер Бенджамин в повествовании о своей поездке в Москву в конце 1926 г. упоминает о встрече с некоторыми руководителями РАПП и отмечает их фанатизм. (*Walter Benjamin. Moscow Diary. (Trans. Richard Sieburth). Cambridge, Mass., 1986. С. 12, 15, 53).*

2 См. статью Е. Добренко о «Молодой гвардии» в настоящем издании.

3 *Троцкий Л.* Литература и революция. М., 1923. С. 9, 41—42, 50—51.

4 С. Шешуков в «Неистовых ревнителях» утверждает, что «с этого события и начинается история РАПП» (Указ. соч. С. 15)

- 5 «Октябрь». Письмо в редакцию // Правда. 1925. 12 декабря. С. 5.
- 6 Сначала редактором был также и старый большевик Б. Волин.
- 7 См. статью другого известного члена МАПП, И. Вардина: *Вардин И.* Воронщину необходимо ликвидировать // На посту. 1924. № 1 (5). С. 9—36.
- 8 От редакции // На посту. 1923. № 1. С. 5.
- 9 *Лелевич Г.* Нам нужна партийная линия // На посту. 1923. № 1. С. 102.
- 10 Вопросы литературы при диктатуре пролетариата. М.; Л., 1925. С. 137.
- 11 Один из этих номеров был сдвоенным, таким образом, их было шесть. Следует также добавить, что руководители группы «Октябрь» вели редакторский контроль журналов «Молодая гвардия» и «Октябрь» приблизительно со времени их основания (соответственно с 1922 и 1924 гг.) до времени закрытия журнала «На посту» и прекращения деятельности этой группы (в 1925 г.).
- 12 Отметим, что первое из этих партийных собраний состоялось 9 мая 1924 г., вскоре после завершения пленума ВАПП (4 мая). Тексты постановлений см. в кн.: Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. М.; Л., 1925.
- 13 См.: *Вардин И.* Революция и литература; *Родов С.* Организационные вопросы // На посту. 1925. № 1 (6). С. 69—82, 83—104.
- 14 От редакции // На посту. 1923. № 1. С. 7.
- 15 См.: *Либединский Ю.* Реалистический показ личности как очередная задача пролетарской литературы // На литературном посту. 1927. № 1. С. 26.
- 16 Например, в ноябре 1923 г. они сближаются с ЛЕФом, а в феврале 1924 г. — с «Кузницей». Однако после раскола 1926 г. руководство все же предоставило возможность выступить на страницах журнала «На литературном посту» Осипу Брику с критическими нападениями на роман Ф. Гладкова «Цемент» (1925), популярность которого как в массах, так и в официальных кругах стала представлять существенную угрозу их стремлениям играть ведущую роль в «пролетарской» литературе. (*Брик О. М.* Почему понравился «Цемент» // На литературном посту. 1926. № 2. С. 30—32).
- 17 *П. Бугаенко.* А. В. Луначарский и литературное движение двадцатых годов. Саратов, 1967. С. 99.
- 18 *Виноградов И.* Испытание героя. О творчестве Ю. Либединского. Л., 1934. С. 22.
- 19 «Поворот» публиковался в ряде номеров «Октября» с сентября по декабрь 1927 г. Троцкий был исключен из членов ЦК партии в августе того же года, а в декабре из членов партии, но угроза подобного исключения нависла над ним уже за год до того. Существует значительный текстуальный материал, подтверждающий, что «Поворот» представлял собой произведение, направленное против Троцкого. Это выразилось уже в том, что автор придает большое значение вопросу о «платформе десяти» (имеются в виду разногласия между Троцким и Лениным, когда Сталин принял сторону Ленина).
- 20 *Троцкий Л.* О художественной литературе и политике РКП (Речь на совещании ЦК ВКП о литературе) // Жизнь искусства. 1924. № 34 (9 августа). С. 5.
- 21 *Walter Benjamin.* Moscow Diary. P. 53—54.
- 22 Например, Авербах и Ермилов вместе редактировали комсомольский журнал «Юношеская правда», а Киришон и Фадеев работали в ростовском АПП.
- 23 *Воронский А.* Искусство как познание жизни и современность // Современная русская критика, 1918—1924 (Под ред. И. Оксенова). Л., 1925. С. 44—45.
- 24 См.: *Либединский Ю.* Классовое и групповое // На посту. 1923. № 4. С. 60.
- 25 *Edward Brown.* The Proletarian Episode in Russian Literature. New York, 1953. P. 246.
- 26 См., например, выступление Либединского, в творческом отношении, вероятно, самого продуктивного руководителя РАПП, в сборнике «Как мы пишем» (Л., 1930. С. 101—102).
- 27 Там же. С. 88—102.
- 28 Первая годовщина «Молодой гвардии»; Первая московская конференция // На посту. 1923. № 1. С. 169, 201, 204.
- 29 *Тарсис В.* Современные русские писатели. (Под ред. И. Оксенова). Л., 1930. С. 231.

30 Интересно отметить, что во время культурной революции, в конце 1920-х гг., когда лозунг «пролетаризации» стал девизом культурной жизни, Фадеев считал необходимым сделать героем своего нового романа «Последний из Удэге» рабочего (шахтера), в отличие от хорошо образованных героев его более ранних произведений. В действительности же, основой для образа этого «рабочего-шахтера» послужили некоторые представители интеллигенции, с которыми Фадеев был знаком в период гражданской войны. См.: *Зелинский К.* Предисловие // *А. Фадеев. Последний из Удэге.* М., 1931. С. 3.

31 См.: *Либединский Ю.* Темы, которые ждут своих авторов // *На посту.* 1924. № 2—3. С. 119.

32 Возьмем, например, инженера Клейста и других буржуазных специалистов в романе Гладкова «Цемент».

33 *E. Brown.* The Proletarian Episode. P. 153; *Горбачев Г.* Современная русская литература. Л., 1928. С. 142.

34 *Ю. Либединский.* (Статья без названия) // *Как мы пишем.* С. 94.

35 Там же. С. 91

36 *Robert A. Maguire.* Red Virgin Soil: Soviet Literature in the 1920. Princeton, 1968. P. 124..

37 Он стал постоянной мишенью для критических нападок, начавшихся с редакционной статьи в первом номере журнала «На посту», который вышел через год после повести «Неделя» (см.: *На посту.* 1923. № 1. С. 5).

38 *Либединский Ю.* Темы, которые ждут своих авторов. С. 118.

39 *Либединский Ю.* Неделя // *Наши дни.* 1922. № 2. С. 75.

40 *Либединский Ю.* Письмо вперед // *Резец.* 1926. № 20. С. 11.

41 Первый (апрельский) номер журнала «На литературном посту» был подписан к печати уже 5 марта 1926 г.

42 См.: *Воронский А. К.* Искусство как познание жизни и современность // *Современная русская критика.* (Под ред. И. Оксенова). Л., 1928. С. 36—50.

43 *Либединский Ю.* Художественная платформа РАППа // *На литературном посту.* 1928. № 19. С. 16.

44 Там же. С. 16.

45 Там же. С. 16.

46 Там же. С. 17, 18.

47 *Либединский Ю.* Темы, которые ждут своих авторов // *На посту.* 1923. № 2—3. С. 118.

48 *Либединский Ю.* Проблемы тематики // *На литературном посту.* 1927. № 13. С. 15—21; *его же.* Реалистический показ личности как очередная задача пролетарской литературы (Отрывок доклада, прочитанного на учебно-творческой секции II чрезвычайной конференции ВАПП) // *На литературном посту.* 1927. № 1. С. 25—30.

49 См.: *Авербах Л.* На путях культурной революции («Манифест ЦИК и тезисы ЦК партии к XV съезду») // *На литературном посту.* 1927. № 20. С. 1—5.

50 Этой цитатой из материалов XV съезда партии открывался первый номер журнала «На литературном посту» за 1928 г. (с. 1).

51 См.: *Луначарский А.* Съезд ВАППа // *На литературном посту.* 1928. № 9. С. 23.

52 Культурная революция и современная литература: Резолюция первого Всесоюзного съезда пролетписателей по докладу т. Авербаха // *На литературном посту.* 1928. № 13—14. С. 1—11.

53 См.: *Добин Е., Либединский Ю., Лузгин М., Чумандрин М.* О «Фоме Клешневе» // *На литературном посту.* 1931. № 18. С. 42—43.

54 Хроника. На Первом Всесоюзном съезде пролетарских писателей // *На литературном посту.* 1928. № 3. С. 77.

55 *Кор Б.* Не попутчик, а союзник или враг // *На литературном посту.* 1931. № 2. С. 39—40.

56 Например, изменение точки зрения на теоретика-марксиста Г. В. Плеханова. См.: *Серебрянский М.* Критика художественной платформы РАППа // *На литературном посту.* 1930. № 17. С. 21; *Рыбасов А.* Заметки о критике // *На литературном посту.*

1931. № 17. С. 38.

57 *Шешуков С.* Неистовые ревнители. С. 70.

58 *Либединский Ю.* Генеральная задача пролетарской литературы // На литературном посту. 1930. № 1. С. 20.

59 *Либединский Ю.* О моей ошибке // На литературном посту. 1931. № 10. С. 33.

60 *Либединский Ю.* Рассказы товарищей. М., 1933.

61 См.: *Гельфанд М., Зонин А.* К дискуссии о творческом методе // Печать и революция. 1930. № 4. С. 6—16; *Фадеев А.* Столбовая дорога пролетарской литературы. Л., 1929; За генеральную линию пролетарской литературы: Документы и статьи. М., 1930; С кем и почему мы боремся. (Под ред. Л. Авербаха). М.; Л., 1930; Творческая дискуссия в РАПП: Сб. стенограмм и материалов III обл. конференции ЛАПП 15—21 мая 1930. (Под ред. М. Г. Майзеля и Н. В. Степнева). Л., 1920; К творческим разногласиям в РАПП: Сб. статей к 3-й обл. конференции ЛАПП. Л., 1930.

62 Хотя его повесть «Неделя» приводилась на Съезде писателей 1934 года как образцовое произведение, однако ни это, ни какое-либо другое его произведение не публиковалось в течение двадцатилетнего периода, который закончился лишь в 1956 г. А. Фадеев, бывший коллега Либединского по РАПП, напечатал о нем благосклонную статью в 1955 г. в «Литературной газете». Эта статья послужила знаком полной литературной реабилитации Либединского.

63 См., например, статью «На литературном посту» в Краткой литературной энциклопедии. (Т. 5. М., 1968).

64 См.: *Либединский Ю.* К вопросу о личности художника // На посту. 1924. № 1. С. 56—57.

65 Классики — попутчики — пролетписатели. (От редакции) // На литературном посту. 1927. № 5—6. С. 5.

66 Речь секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова // Первый съезд писателей: Стенографический отчет. М., 1934. С. 4.

67 *Фадеев А.* Долой Шиллера! Речь на II Пленуме РАППа // На литературном посту. 1929. № 21—22. С. 4—9.